

Одной пощечины хватило, чтобы Цинь Фэнсянь опешил.

Внезапный удар заставил его беспомощно осесть на пол. Какое-то время он даже не мог сообразить, что хочет сказать, а затем уставился на Сяо Цзяньсиня полным ярости взглядом.

Сяо Цзяньсинь подошел к скованному пленнику, дернул за цепь на его шее, и по комнате разнесся резкий лязг металла.

— Будь послушнее, — вполголоса произнес Сяо Цзяньсинь, — и тогда люди снаружи не пострадают из-за тебя.

Грудь Цинь Фэнсяня тяжело вздымалась. Услышав об угрозе невинным, он немного поумерил свой пыл.

Сяо Цзяньсинь остался доволен и добавил:

— Угадай, что только что произошло?

Он вытащил из-за пояса пистолет, слегка подбросил его в руке и приставил холодное дуло к самому лбу Цинь Фэнсяня.

Взгляд Цинь Фэнсяня застыл.

Металл был ледяным, в нем не осталось ни капли человеческого тепла. Из этого оружия только что стреляли. Неизвестно, кого он убил или, быть может, ранил еще одного несчастного, похожего на него самого.

Сяо Цзяньсинь снял пистолет с предохранителя — раздался едва слышный щелчок.

Цинь Фэнсянь смотрел прямо в дуло, которое в любую секунду могло разнести ему голову, но лишь слегка прищурился. Несмотря на то что он сидел на полу, лишенный всякого достоинства, а рана на левом бедре продолжала гноиться, вызывая лихорадку, он не боялся за себя. Его пугала судьба тех, кто остался снаружи.

Видя его стойкое, бесстрашное выражение лица, Сяо Цзяньсинь стал еще довольнее.

Да, именно это ему и было нужно. Ему нужен был именно такой человек.

Сяо Цзяньсинь помрачнел, но уголки его прежде сжатых губ медленно поползли вверх. Он перевернул пистолет и, пока пленник пребывал в оцепенении, взял его за руку и вложил оружие прямо ему в ладонь.

Под неверящим взглядом Цинь Фэнсяня он опустился перед ним на одно колено. Его брюки пошли складками, а от самого мужчины исходил странный, холодный аромат.

В тот момент, когда колено коснулось пола, Цинь Фэнсянь услышал, как тот тихо цокнул языком.

Затем мужчина обхватил его руки своими, направляя пальцы так, чтобы они крепче сжали рукоять. Пока теплое дуло пистолета не уперлось через ткань рубашки прямо в грудь.

— Смотри сюда, — сказал он.

Руки Сяо Цзяньсиня были холодными. Это прохладное прикосновение давило на ладони без лишней силы, словно они держали не оружие, а какую-то игрушку.

Дыхание Цинь Фэнсяня перехватило. Он смотрел на Сяо Цзяньсиня как на безумца.

Сяо Цзяньсинь подался вперед, так что Цинь Фэнсяню пришлось встретиться с его ярким взглядом. В глазах мужчины читались соблазн и давление, и Цинь Фэнсянь на мгновение не смог отвести глаз, чувствуя, что за этими карими зрачками скрывается множество расчетов.

— Хочешь выстрелить? Стреляй.

Зрачки Цинь Фэнсяня дрогнули. Он бегал глазами по лицу мужчины, пытаясь понять, говорит ли тот правду.

Мужчина продолжил:

— Не смеешь? Трус. Как ты думаешь, зачем я, вопреки приказу господина Су, спас твою никчемную жизнь?

Когда его чистый голос становился тише, в нем проскальзывали неуместные нотки соблазна:

— Не будь таким наивным... хочешь ты того или нет, мы давно в одной лодке.

Мужчина протянул руку, провел ею по плечу пленника к шее и резко дернул за цепь. Цинь Фэнсянь дернулся, и под мощным рывком их лбы соприкоснулись.

Цинь Фэнсянь услышал, как бешено заколотилось его сердце.

Низкий голос Сяо Цзяньсиня, звучавший прямо у него над ухом, на мгновение показался нереальным:

— Запомни: моя жизнь — это твоя жизнь. Если я умру, ты точно не выживешь. А если ты будешь жить, мы сможем...

У Цинь Фэнсяня занемели уши. Он с силой оттолкнул мужчину, отшвырнул пистолет и в ярости крикнул:

— Чего ты добиваешься?!

Сяо Цзяньсинь ответил:

— Хочешь прямоты? Посвяти свою никчемную жизнь и способности мне, и я буду защищать твою семью до последнего вздоха. Я помогу тебе зажить такой жизнью, о которой ты и мечтать

не мог, и никто, кроме меня, не посмеет причинить вред ни тебе, ни твоим близким.

Цинь Фэнсянь остолбенел.

Сяо Цзяньсинь медленно поднялся, наступил на лежащий на полу пистолет и пинком подогнал его к ногам Цинь Фэнсяня.

— Даю тебе три дня на размышления. Не захочешь — застрелись, считай, что я тебя не спасал.

Сяо Цзяньсинь бросил на него насмешливый взгляд:

— Конечно, если ты умрешь, твои родители...

Он не договорил и вышел из комнаты.

Звук его шагов по полу становился все тише, пока не затих совсем, подобно тому как бешеное сердцебиение Цинь Фэнсяня медленно приходило в норму.

Цинь Фэнсянь опустил голову и посмотрел на пистолет. Он медленно подполз к нему, поднял оружие и, тяжело дыша, поднял его вверх. Поколебавшись несколько секунд, он приставил дуло к межбровью.

Пальцы, лежащие на спусковом крючке, задеревенели. Он так и не нажал.

— Х-х...

Сделав несколько глубоких вдохов, Цинь Фэнсянь вдруг издал яростный рык и швырнул пистолет в угол.

— Ха... Сяо Цзяньсинь...

Стоя на коленях, он ударил кулаком по бетонному полу, и лишь после нескольких тяжелых вздохов из его груди вырвался подавленный шепот:

— Ты вынудил меня.

Спустя три дня Сяо Цзяньсинь, сидя в своем кабинете после звонка подчиненного, вспомнил о Цинь Фэнсяне. Хотя способности и наделяли одаренных крепким здоровьем, позволяя обходиться без еды неделями, раны Цинь Фэнсяня все еще требовали обработки.

Убедившись, что других дел нет, Сяо Цзяньсинь направился в небольшую комнату.

Цок, цок, цок — шаги гулко отдавались в коридоре, он даже не пытался идти бесшумно.

Ключ повернулся в замке, дверь распахнулась.

— Доволен? — раздался хриплый голос.

Этот звук нарушил мертвую тишину комнаты и заставил Сяо Цзяньсиня напрячься, почувствовав прилив возбуждения.

Он не умер.

Это было ожидаемо: Сяо Цзяньсинь отрезал ему все пути к отступлению. К счастью, у этого парня было то, чем он дорожил, поэтому тактика кнута и пряника сработала безотказно.

В пустой комнате, на старой кровати, сидел, отвернувшись, мужчина. Его фигура была особенно заметна.

Сяо Цзяньсинь бегло осмотрел помещение и легко заметил пистолет, аккуратно положенный у изголовья. Возможно, он действительно подумывал о том, чтобы покончить со всем этим. Но не стал ли он стрелять ради защиты семьи или просто из трусости — оставалось загадкой.

К удивлению, Цинь Фэнсянь выглядел не таким изможденным, как ожидалось. Лицо было бледным, в глазах читалась усталость, но в целом он держался неплохо. Щетина на подбородке придавала ему внушительности, делая более зрелым по сравнению с тем зеленым юнцом, которым он был раньше.

В его глазах мерцал невыразимый свет, смешивающий в себе скорбь, ярость и отчаяние. Сейчас этот сложный взгляд был прикован к вошедшему. Похоже, за эти дни он о многом передумал.

Сяо Цзяньсинь окинул его взглядом и замер, заметив рану на бедре. Его зрачки сузились: рана, которая была настолько глубокой, что виднелась кость, уже почти затянулась.

Сяо Цзяньсинь невольно вытаращил глаза, его дыхание участилось.

Однако, быстро справившись с изумлением, он взял себя в руки и улыбнулся:

— Доволен. Очень доволен. Правильное решение.

— Отныне ты будешь служить мне. А для начала научись быть послушной собакой.

Сяо Цзяньсинь подошел к кровати, поднял пистолет и протянул его Цинь Фэнсяню.

Тот не взял.

Сяо Цзяньсинь помрачнел:

— Первое правило: если я даю — ты обязан взять.

Цинь Фэнсянь нахмурился. Он пошел на сделку, потому что его семья все еще находилась в руках этого человека. Но неужели этот безумец действительно вознамерился выдрессировать его как пса?!

— Проваливай, — Цинь Фэнсянь терпел, сколько мог, но не сдержался.

Взгляд Сяо Цзяньсиня стал холодным. Другой рукой он дернул за цепь и произнес:

— Дай руку.

От этих слов, словно предназначенных для дрессировки собаки, кулаки Цинь Фэнсяня сжались. Но спустя мгновение он, затаив дыхание и стиснув зубы, разжал пальцы и протянул руку, на которой вздулись вены.

Сяо Цзяньсинь усмехнулся, но не отдал оружие сразу. Сначала он поднял пистолет и слегка коснулся губами холодного дула. Поцеловав его, он вложил пистолет в протянутую ладонь Цинь Фэнсяня.

— Береги его. Это мой первый подарок тебе. И помни: дуло всегда должно быть направлено на врага.

Сяо Цзяньсинь уходил, не оглядываясь и не проявляя ни капли осторожности, даже несмотря на то, что за его спиной человек держал оружие, способное в любой миг оборвать его жизнь.

Цинь Фэнсянь не мог понять его самоуверенности и спокойствия. Ведь Сяо Цзяньсинь был всего лишь обычным человеком, неспособным защитить себя.

Он поднял пистолет, целясь в спину уходящего.

— Бах.

Но до тех пор, пока дверь не заперли на ключ, он так и не смог нажать на спусковой крючок.

...Он был прав.

Он не смел.

Ни покончить с собой, ни убить другого.

Убей он Сяо Цзяньсиня — погибнут те, кто ему дорог.

Убей он себя — результат будет тем же.

Но... когда-нибудь...

В глазах Цинь Фэнсяня вспыхнуло пламя, а в глубине этого огня отражался тот самый высокомерный и самоуверенный силуэт.

— Сяо Цзяньсинь, жди.

Хриплый голос мужчины эхом отозвался в пустой комнате.

<http://bllate.org/book/18776/1821154>